

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Древнеримская цивилизация принесла миру одно из совершеннейших достижений, которым мы пользуемся до сих пор, – систему римского права, содержащую регулирование всех сторон экономической, политической, социальной и культурной жизни общества. И поскольку в законодательстве Рима не наблюдалось разделения общества на мужчин и женщин, а вывелись две основные группы: *mares* (мужчины) или *feminae* (женщины) и брачные, мужчина и женщина рассматривались в нем только как мать и отец, и женщинам, следовательно, уделялось немалое внимание в законах.

Утверждение ряда исследователей о том, что "... из всех народов Древнего Мира ни у одного женщины не находились в таком почтении и уважении, как у римлян..."¹, можно принять на веру только при сравнении жизни римлянки с жизнью женщин других древних цивилизаций, да и то с оговорками. Но если посмотреть на ее положение в социальной структуре самой Римской империи и сравнить его со статусом мужчины, тезис о "высоком положении" выглядит малоубедительным. Одно из свидетельств тому – римское законодательство.

В политическом плане женщины империи были законодательно неправопособными: закон на протяжении всего существования римского государства предоставлял гражданские права только мужчинам. Л. Фридлендер утверждает, что в начале империи общественное положение женщины уже не стеснялось никакими рамками²; но факты общественной активности женщин единичны и не позволяют утверждать об их существенной роли в жизни римского общества. Рассмотрим некоторые из них.

Законы XII таблиц (сер. V в. до н. э.) законодательно закрепили тот факт, что женщины не имели права присутствовать на народных собраниях и влиять на принятие политических решений. Постепенно ситуация изменилась, и гражданки империи уже посещали собрания граждан, но право голоса для них осталось недоступным.

Биограф Элагабала, глубоко возмущаясь, пишет о том, что мать и бабка императора получили право доступа в Сенат (*Vit. Elagab. IV. 1–2*); но после убийства кровавого правителя были предприняты меры к тому, чтобы женщины больше никогда не появлялись там (*Vit. Elagab. XVII. 3*).

Женщины принимали участие в предвыборных кампаниях в магистраты, но в выборах не участвовали. При этом они могли только объявлять о своих политических предпочтениях, о чем свидетельствуют многочисленные надписи на стенах зданий в Помпеях.

Существовали учрежденные на высшем уровне женские объединения. В частности, в источниках содержится информация о *conventus matronarum* (*Vit. Elagab. IV*). Вероятно, это женское объединение образовалось еще в ранний период существования римского государства. Ливии, описывая события IV в. до н. э., упоминает о поступке матрон города Вейи, которые на собрании решили помочь властям города в сборе средств для выплаты религиозного налога и отдали для этого все свои драгоценности (*Liv. V. 25. 8–9*). О «собрании матрон» упоминается и в I в. (*Suet. Galba. 5. 1*). По всей видимости, в *conventus matronarum* входили женщины из сенаторского сословия, но о функциях этого объединения, его составе и устройстве подробных сведений нет. Возможно, именно на базе этой организации в начале III в. была создана организация с громким названием – *Senaculum* – «Малый» или «Женский» Сенат (*Vit. Elagab. IV. 3–4*), часто высмеиваемая мужчинами того времени. Рассматривал *Senaculum* "... личные или имущественные дела, либо дела, касавшиеся различных общественных привилегий женщин в зависимости от их социального положения"⁵. Элагабал уделял немало вни-

мания своему "детищу" и даже написал для него устав, в котором были подробно рассмотрены вопросы формы одежды, украшений на обуви, типа передвижения для различных социальных групп женщин, формы приветствия между матронами. Интересно, что сам биограф императора весьма скептически относится к этой "забаве" Элагабала (*Vit. Elagab. IV.3*). В 70-е гг. III в. Аврелиан попытался возобновить работу *Senaculum* "... с тем, чтобы там первыми были те, кого Сенат удостоил жреческого сана" (*Vit. Aurel. XLIX. 6*). Вероятно, автор имеет в виду служительниц различных культов, составлявших государственную религию империи, и свидетельствует о религиозном характере деятельности «Женского Сената».

Реальной силы эти общеимперские объединения (У. Дюран же высказывает гипотезу о возможном существовании в Италии целой «национальной федерации женских клубов») ⁶, так же как и местные (типа «Общества для распространения стыдливости» ⁷, или отмеченная в надписи в Лавинии *curiam mulierum* ⁸), не имели. Можно полагать, что названные учреждения были своего рода подачкой женщинам высшего сословия, чтобы они не вмешивались в серьезные политические дела.

Вмешательство все же имело место, правда, в неофициальной форме. Женщины влияли на политическую жизнь через своих мужей. Поэтому многие мужчины для продвижения по службе стремились заручиться поддержкой императриц или представительниц высшего сословия. Так, Сенека во многом своей квестурой был обязан тетке, которая даже руководила его предвыборной кампанией ⁹. Гессий Флор был назначен прокуратором Иудеи (64–66 гг.) благодаря дружбе своей жены Клеопатры с императрицей Поппеей Сабинной ¹⁰. Поддержкой этой императрицы пытался заручиться и юный Иосиф Флавий во время своего первого путешествия в Рим ¹¹. Серьезным советчиком во многих вопросах управления государством была для Августа его третья жена Ливия (*Suet. Aug. 84.2*); в ее советах нуждался и сын, император Тиберий (*Suet. Tib. 50.2*). Марком Антонием манипулировала Клеопатра ¹², а Гелиогабал стал послушным орудием в руках матери и бабки (*Vit. Elagab. II.1; XII.3*). С помощью влиятельной императорской вольноотпущенницы, дряхлой старухи, делал свою карьеру император Отон (*Suet. Oth. 2.2*). Поддержка жены Траяна Плотины помогла в конечном счете прийти к власти Адриану (*Vit. Adrian. II. 10; IV. 1*). Таких примеров немало. Французский исследователь Г. Буассье полагает, что бесчисленные любовные похождения Цезаря, а затем и Августа, были связаны со стремлением понравиться женщинам, «чтобы через них управлять мужьями» ¹³. Гипотеза достаточно смелая, и, пожалуй, имеющая основания. Но все же, на наш взгляд, было бы неправильным объяснять любвеобилие правителей только политическими мотивами.

И хотя женщины высших сословий достаточно активны, законы прямо запрещают занятие ими «гражданских или публичных» должностей (*Dig. 50. 17. 2*). Кроме того, женщина не была защищена от постоянных выпадов со стороны мужчин, верхом которых стал выведенный римскими юристами тезис об *imbecillitate sexus* (*Dig. 16. 1. 2. 1–2*) – природной слабости, глупости женщины, которая слабохарактерна, несерьезна, а потому и не способна к общественной работе и к ответственности за свои поступки вообще ¹⁴. Философы говорили об этом более мягко: «... сами природные свойства женщин, такие как стыдливость, слабость, нестойкость и незнание дел, обсуждаемых публично, не позволяют ... женам, сестрам и матерям заниматься политикой» ¹⁵. Взгляд итальянского исследователя права Л. Пеппе по данному вопросу противоположен: он считает, что устранение женщин от занятия государственных должностей обосновывалось обычаями, а не природой и психологическими особенностями ¹⁶. Но в любом случае факт остается фактом: женщина была полностью исключена из собственно политической сферы деятельности. Возникает вопрос о причинах столь негативной пози-

ции мужчин в отношении женской общественной активности. Интересна в данном случае точка зрения Г. Буассье, который считал, что мужчины потому так выступали против женщин, что побаивались их силы в борьбе за общественную жизнь, так как в Риме, где очень почиталась семья, женщины играли серьезную роль¹⁷. В контексте «семейного вопроса» другой французский исследователь П. Гиро подчеркивал, что римляне смотрели на брак как на «слияние двух жизней», которое могло быть полным только при равном статусе супругов¹⁸.

Таким образом, лишённая легальной возможности влиять на политические дела, женщина могла проявить себя более ярко только в семейной жизни. В системе частного права римлянка занимала несколько более прочное положение. Римские законы трактовали разделение полов не как естественный, а как юридический факт. Законодательство рассматривало мужчину и женщину только как мать и отца. При этом они получали титулы – «*mater familias*» и «*pater familias*». Титул «*pater familias*» (домовладыка) мог получить любой мужчина *sine iuris*, в том числе несовершеннолетний или раб-отпущенник. Он становился главой всей фамилии (семьи) и никому не подчинялся, мог признать или отвергнуть собственного ребенка, мог прогнать жену в случае ее бесплодия; он женил сына и выдавал замуж дочь (при этом согласие матери не требовалось), перед смертью назначал опекуна жене и детям, усыновлял и эмансипировал (отпускал из-под опеки) сыновей, чего женщина опять же делать не могла. Домовладыка свободно распоряжался приданым жены, и в более древние времена она не могла получить его обратно даже в случае смерти мужа.

В отличие от «*pater familias*» титул «*mater familias*» весьма многозначен. Исследователи до сих пор не пришли к общему мнению по вопросу его адресата-носителя. По всей видимости, требования к этому званию менялись с течением времени. Так, во времена Цицерона этот титул могла получить только женщина, состоящая в браке *cum manu*¹⁹, т. е. находящаяся в полной власти мужа. В противоположность Л. Казанцеву и М. Бартошеку польский историк Ф. Велишский считает, что титул *mater familias* могла носить только жена *sui iuris*²⁰. В Дигестах Iв. (*Dig. 1. 7. 44*) *mater familias* – просто законная жена сына, даже если он находится под отцовской опекой. Одновременно появляется мнение о том, что «Мать семейства начинала так называться не раньше, чем муж ее будет назван отцом семейства...»²¹. Титул женщине обеспечивал только муж, *pater familias*, и то при условии, что она имела детей; поэтому вдова теряла это звание – вот еще одна довольно распространенная версия²². Наконец, Ульпиан во II в. утверждает, что «... матерью семейства делают ... не брак, не рождение, а нравственный образ жизни» (*Dig. 50. 16. 46. 1*). Но римский юрист все же достаточно противоречив: в другой работе он утверждает, что титул *mater familias* может носить женщина, поступившая под власть мужа при форме брака «покупка» (*Ulp. Fragm. II*). Вероятно, различные версии получения титула связаны с изменением реалий римской жизни и, в частности, положения женщины в римской семье. Наиболее реальная для классического периода точка зрения берет свое начало во II в.: титул *mater familias* могла носить любая женщина *sui iuris* (*Dig. 32. 41. 7*). В отличие от привилегий, которые давало звание *pater familias*, привилегии женщины с подобным званием сформулированы довольно расплывчато: «... титул давал честь, достоинство и даже присваивал гражданство, если не политическое, то ... добродетель как назначение...»²³. Таким образом, титул женщины получали только благодаря своей физической природе. Их легальный статус не трактовали независимо от отношений между полами.

Итак, роль женщины в римском обществе воспринималась только в рамках семьи. В целом «... по восприятию римлян, женщина выходила замуж, чтобы служить подходящим инструментом семейных и государственных ин-

тересов...»²⁴. В эпоху империи в Риме самое широкое распространение получил брак *sine manu mariti* (без супруга), при котором женщина *alieni iuris* оставалась под властью *pater familias*, а *sine iuris* имела право на свое имущество, но находилась под юрисдикцией своего домовладыки. Со II в. до н. э. развод стал довольно распространенным явлением. Его инициаторами могли стать как оба супруга (*divortium*), так и один из них (*repudium*). Этот акт со времен Августа стал совершаться в присутствии семи свидетелей – взрослых римских граждан. При этом мужчина сразу же мог вступить в новый брак, а женщине требовался почти годичный перерыв для того, чтобы выяснить, не ждет ли она ребенка, и установить отцовство (*Ovid. Fast. I. 35–36; Cicero. Orationes. 6.35*)²⁵. Единственный период в жизни женщины, когда она не могла развестись, был связан с ее беременностью²⁶.

Большое внимание уделено женщине в брачном законодательстве Августа, которое было направлено на укрепление семьи и увеличение количества римских граждан. В 28 г. до н. э. вышел закон об обязательности брака, по которому все мужчины до 60 лет и женщины до 50 должны были создавать семьи. Брачный возраст невесты наступал с 10 лет, а девушка, которая к 20 годам не имела ребенка, должна была платить штраф, приравненный к штрафу за безбрачие и бездетность²⁷. У мужчины этот возраст наступал позже. Не вступившие в брак лишались наследства по завещаниям, а бездетные получали только его половину. Нарушители закона лишались также права присутствовать на зрелищах²⁸. Закон касался представителей сенаторского и всаднического сословия. Льготы имели семьи, где воспитывалось трое и более детей; женщина с тремя детьми имела ту же власть над своими клиентами, что и патрон²⁹.

Следующим шагом брачного законодательства Августа стали законы против прелюбодеяния (с 18 г. до н. э.). В соответствии с ними женщина наказывалась за измену намного строже: ее дело рассматривали *indicia publica* – государственные суды, где также разбирались уголовные дела. В случае доказательства вины она лишалась половины своего приданого и трети состояния, положенного ей по завещанию (*Pauli. Sentent. 2. XXVI. 14*). Женившийся на уличенной в прелюбодеянии и разведенной женщине также обвинялся в прелюбодеянии, а их брак аннулировался (*Suet. Iul. 43.1; Dig. 25. 7. 1. 2*).

С другой стороны, именно в это время законодательство впервые обращается к вопросу о наказании мужчины за безнравственное поведение (*mores mariti*). Муж за измену привлекался к ответственности лишь по обвинению в *stuprum* (внебрачной связи с иностранкой, вдовой или взрослой девицей из свободного семейства) и подвергался штрафу, который был установлен для обеих сторон еще в 149 г. до н. э. *Lege Scantinia* в размере 10 000 HS³⁰. Его жена, по мнению Ульпиана, могла подать на развод и требовать выплаты приданого немедленно либо в течение шести месяцев. При этом муж должен был выплатить бывшей супруге сумму доходов за 3 года (*Ulp. Fragm. VI. 13*)³¹. И все же после развода муж-прелюбодей мог жениться снова.

Таким образом, женщина императорского Рима имела достаточную свободу как в создании, так и в разрушении семьи, предоставленную ей законодательством. В суде же женщине не ставилось в вину незнание права³², но, с другой стороны, ее свидетельские показания в суде не имели никакой силы, а выступление в качестве обвинителя предполагалось для нее (так же как для солдат или рабов) только в делах «об оскорблении величества» (*Dig. 48. 4. 7. 1–2; 8*).

В I в. н. э. женщина получает право выбора и замены своего опекуна, а *Lex Claudia* оставляет в отношении женщин только «защиту, вытекающую из завещания». От всякой опеки освобождались замужние и матери 3-х детей (вольнотпущенницы – 4-х). В конце II – начале III в. появляется институт

venia aetatis: девушки с 18 и юноши с 20 лет могли освободиться от опеки, если они доказали способность вести дела самостоятельно. Таким образом, юридическая дееспособность женщин наступала раньше, что связано, вероятно, с более ранним наступлением *legitimus aetatis* – совершеннолетия (у девушек – 12–25 лет, у юношей – 14–25)³⁴. К IV в. н. э. женщина, отец и муж которой умерли, по достижении 25-летнего возраста обретала самостоятельность³⁵.

Постепенно опека над женщиной изживает себя, и последние упоминания о ней относятся к концу III – началу IV в. С другой стороны, сама женщина получила право опеки, и то очень ограниченное, только в V в. Мать или бабушка могли стать официальными опекунами ребенка, только если таковой не был назначен по завещанию, при этом они должны были отказаться от вступления в повторный брак³⁶. Исключительное право усыновления в *familiam* принадлежало *patri familias*. И только в период империи усыновлять смогла и женщина, но только в случае потери собственных детей³⁷.

Широкое распространение разводов изменило позицию законодательства в вопросе приданого. Юридически его собственником оставался муж (*Dig. 23. 3. 1*); он же распоряжался доходами с приданого в течение всей супружеской жизни (*Dig. 23. 3. 7; Pauli. Sentent. 2. XXII. 1*). Но в случае развода, если в этом не было вины жены, приданое в полном объеме должно было быть возвращено женщине. По всей видимости, это было сделано для того, чтобы после развода женщина не осталась без средств к существованию и смогла бы выйти замуж вторично (*Dig. 24. 3. 1*).

Чтобы взаимно сохранить собственность супругов, запрещались дарения между ними (*Dig. 24. 1. 1*). При этом муж уже не мог использовать имущество жены под угрозой развода. Женщине с 46 г. н. э. было также запрещено *intercessio* – принятие на себя ответственности за чужие долги.

В основу семейных отношений в римском законодательстве был положен принцип частной собственности, и главная задача брачных законов состояла в регулировании имущественных обязательств. Одним из основных вопросов, затрагивавшихся законодательством, была проблема завещания. Женщина еще со времен XII таблиц имела равные права на наследование, но сама составлять завещание не могла, так как для этого ей нужно было посетить народное собрание, куда доступ для всех женщин был закрыт³⁸. Римское право признавало только агнатических потомков (связанных родством через лиц мужского пола) (*Dig. 38. 16. 2. 1*), поэтому женщины долгое время не имели правонаследования. В этом случае действовала формула Ульпиана: «Женщина – начало и конец своей собственной семьи» (*Dig. 50. 16. 195. 5*), означающая невозможность передачи имущественных прав по женской линии родства. Такая практика была прекращена только во II в., когда окончательно утвердилось правонаследование между матерью и детьми. Право составлять завещание женщина получает уже в IV в. до н. э. В начале II в. н. э. вмешаться в составление этого документа мог только опекун, а после ликвидации института опеки над женщиной она смогла составлять завещание свободно. Первоначально более свободными при составлении этого документа были вдовы, матери и женщины, у которых было несколько мужей³⁹. Но еще очень долгое время наследники по матери имели более низкий статус, чем наследники по отцу. Различия между отцовскими и материнскими наследниками были ликвидированы только *Senatus Consultum Tertullianum* (20–30-е гг. III в. н. э.). И лишь в 178 г. н. э. *Senatus Consultum Orphitianum* установил законное право наследования от матери к сыновьям и наоборот.

Согласно свидетельствам античных авторов, женщины императорского Рима были экономически в определенной мере самостоятельны. Источники не раз упоминают должность *procuratorem* – управляющего по делам женщин (*Tac. Ann. 3. 22*). Законы защищают имущество женщин. Сатиры Мар-

циала и Ювенала преподносят нам ряд примеров, в которых женщины высших сословий захватывали бразды домашнего правления (*Marc. XII. 75. 6–8; Juv. VI. 210–215*). Есть также указания на то, что многие женщины в Риме занимались самостоятельным трудом как собственницы мастерских, работницы магазинов, врачи, учителя, писательницы и поэтессы, философы, юрисконсульты и адвокаты. Закон запрещал женщинам только занятия «банкирским промыслом»⁴⁰, под которым, возможно, следует понимать проведение некоторых денежных операций. Среди известных римлянок встречались владелицы огромных состояний, выделяющие немалые средства для строительства городских сооружений. Так, по свидетельству эпиграфических памятников, Уммидия Квадратила построила амфитеатр и храм⁴¹.

Женщина имела также некоторые очерченные законами обязанности. Они касались прежде всего ее положения в семье: создание семьи, рождение детей. Она имела равную с мужчиной обязанность по обеспечению старости своих родителей. Но вот одна из основных функций матери в наше время – воспитание детей – стала в равной степени ей доступна только в эпоху Принципата. Причем в случае несогласия сторон решающее слово все же принадлежало отцу⁴². Мать это право получала только в случае смерти отца или при разводе, если она была признана пострадавшей стороной.

Можно сделать вывод о том, что при значительной экономической свободе, связанной, прежде всего, с заботой государства о полноценном функционировании римской семьи и со стремлением к увеличению количества римских граждан, женщина не воспринималась как полноправный член римского общества, так как оставалась политически бесправной. «По многим разделам нашего права положение женщин хуже положения мужчин», – отмечает римский юрист II в. Папиниан (*Dig. 1. 5. 9*).

¹ См.: Уэлькенс. Древне-Римская жизнь. СПб., 1880. С. 13; Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. М., 1913. С. 59.; Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988. С. 163; Кудрявцев П. Римские женщины. М., 1875. С. 47; Бартошек М. Римское право. М., 1989. С. 219.

² См.: Фридендер Л. Картины из истории римских нравов от Августа до последнего из Антонинов. СПб., 1873. С. 231.

³ См.: Реппе Л. Posizione giuridica e ruolo sociale della donna romana in eta repubblicana. Milano, 1984. P. 134.

⁴ См.: Durant W. Caesar and Christ // A History of Roman Civilization and of Christianity from their beginnings to A.D. 325. New York, 1962. P. 370; Ляпустин Б. С. Женщины в ремесленных мастерских Помпей // Быт и история в античности: Сб. ст. М., 1988. С. 81; Он же. Женщины в ткацком ремесле: производство и мораль // ВДИ. 1985. № 3. С. 44; Сергеенко М. Е. Жизнь древнего Рима. Очерки быта. М.; Л., 1964. С. 202.

⁵ Винничук Л. Указ. соч. С. 170.

⁶ См.: Durant W. Ibid. P. 371.

⁷ См.: Гиро П. Указ. соч. С. 62.

⁸ См.: Durant W. Ibid. P. 371.

⁹ См.: Гиро П. Указ. соч. С. 61.

¹⁰ См.: Иосиф Флавий. Иудейская война. II. 14. Примеч. 62. Мн., 1991. С. 480–481.

¹¹ Иосиф Флавий. Там же. Ревяко К. А., Федосик В. А. Предисловие. С. 4; Винничук Л. Указ. соч. С. 171.

¹² См.: Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987. С. 117.

¹³ Буассье Г. Цицерон и его друзья. Очерк о римском обществе времен Цезаря // Собр. соч. СПб., 1993. Т. 1. С. 195.

¹⁴ См.: Покровский И. А. История римского права. Петроград, 1917. С. 375; Thomas Y. The division of the sexes in Roman Law // A History of Women In the West (From Ancient Goddesses to Christian Saints): In 6 vol. Cambridge, 1997. Vol. 1. P. 83.

¹⁵ Винничук Л. Указ. соч. С. 163.

¹⁶ См.: Реппе Л. Ibid. P. 99.

¹⁷ См.: Буассье Г. Указ. соч. С. 194.

¹⁸ См.: Гиро П. Указ. соч. С. 62.

¹⁹ См.: Бартошек М. Указ. соч. С. 214; Римское частное право. М., 1948. С. 136; Канцев Л. Н. О разводе по римскому праву в связи с историческими формами римского брака. Киев, 1891–1892. С. 126.

²⁰ См.: Велишский Ф. История цивилизации: Быт и нравы древних греков и римлян. М., 2000. С. 328.

²¹ Смирин В. М. Римская "familia" и представление римлян о собственности // Быт и история в античности: Сб. ст. М., 1988. С. 20–21.

- ²² См.: Майорова Н. Г. Семья в Риме VII – начала VI в. до н. э. // Античность Европы: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1992. С. 5.
- ²³ Thomas Y. Ibid. P. 89.
- ²⁴ Ferrero G. Die Frauen der Gasaren. Stuttgart, 1921. S. 29.
- ²⁵ См.: Бартошек М. Указ. соч. С. 228; Черниловский З. М. Лекции по римскому частному праву. М., 1991. С. 70.
- ²⁶ См.: Пио О. Из жизни римских императриц: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 28.
- ²⁷ Фридлиндер Л. Указ. соч. С. 224.
- ²⁸ См.: Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1990. С. 115; Ревяко К., Шевченко Г. Август и Юлии // Женщины-легенды. Мн., 1993. С. 169.
- ²⁹ См.: Машкин Н. А. Принципат Августа. М.; Л., 1949. С. 421.
- ³⁰ См.: Бартошек М. Указ. соч. С. 197.
- ³¹ См.: Казанцев Л. Н. Указ. соч. С. 227.
- ³² См.: Покровский И. А. Указ. соч. С. 375.
- ³³ См.: Покровский И. А. Там же. С. 375; Бартошек М. Указ. соч. С. 219; Хвостов В. М. История римского права. М., 1919. С. 204.
- ³⁴ См.: Новицкий И. Б. Римское право. М., 1998. С. 51; Бартошек М. Указ. соч. С. 28.
- ³⁵ См.: Clark G. Women in Late Antiquity: Pagan and Christian Lifestyles. P. 13–15.
- ³⁶ См.: Хвостов В. М. Указ. соч. С. 407.
- ³⁷ См.: Новицкий И. Б. Указ. соч. С. 69; Бартошек М. Указ. соч. С. 23.
- ³⁸ См.: Ferrero G. Ibid. S. 10; Покровский И. А. Указ. соч. С. 23.
- ³⁹ См.: Thomas Y. Ibid. 102–103.
- ⁴⁰ См.: Хвостов В. М. Указ. соч. С. 204.
- ⁴¹ См.: Федорова Е. В. Латинская эпиграфика. М., 1969. С. 202–203.
- ⁴² См.: Новицкий И. Б. Указ. соч. С. 68–69; Покровский И. А. Указ. соч. С. 362; Хвостов В. М. Указ. соч. С. 268.

Ленцевич Ольга Михайловна – аспирантка. Научный руководитель – доктор исторических наук В. А. Федосик.

В. И. МЕНЬКОВСКИЙ

ТОТАЛИТАРНАЯ МОДЕЛЬ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ

В 1950-х – начале 1960-х гг. главной целью западных специалистов-советологов было стремление к обобщенному описанию советской политической системы. Политическая система определяет отношения управляемых и правителей, устанавливает способ взаимодействия людей в управлении государственными делами, направляет государственную деятельность, создает условия для замены одних правителей другими. Представляя собой сложный комплекс взаимосвязанных, взаимодействующих друг с другом или же противодействующих друг другу институтов власти, политическая система является многоуровневым динамическим образованием. В ней выделяют три составные политические подсистемы: 1) идей, теорий, взглядов, эмоций, чувств, составляющих политическое сознание; 2) отношений между обществом и государством, различными классами и социальными группами, государствами и т. д. по поводу власти; 3) институтов, образующих политическую организацию общества. Все элементы политической системы взаимосвязаны, обуславливают друг друга, и ее анализ дает возможность обнаружить своеобразие каждого режима.

Часть работ англо-американских авторов была посвящена изучению функционирования советской политической системы, часть – описанию существенных характеристик советского режима как “идеального типа” в веберовском понимании этого термина. К первой категории можно отнести труды Р. Бауэра, А. Инкелеса и К. Ключхона “Как советская система работает”, М. Фэйнода “Как Россия управляется” и “Смоленск под властью Советов”, Б. Мура “Советская политика: Дилемма власти” и “Террор и прогресс. СССР”¹. В процессе создания модели советской системы важнейшее значение имели работы Х. Арендт “Истоки тоталитаризма” и К. Фридриха и З. Бжезинского “Тоталитарная диктатура и автократия”, в которых политическая система СССР описывалась как уникальный – тоталитарный тип диктатуры². Так, Х. Арендт в “Истоках тоталитаризма”, характеризуя всю историю советского государства как диктатуру, подчеркивает различия между

